

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XX

Buenos Aires, martes,

12 de diciembre de 1967

Буэнос Айрес, вторник 12 декабря 1967 года № 930

А. МАКРИДИ

НЕПРИМИРИМОСТЬ НЕ ПОЛИТИКА

После коммунистического переворота, не только противники его, но и сами большевики не слишком верили в долговечность советской власти. Троцкий обещал даже “хлопнуть дверью”, если придется уйти. Ему и пришлось, да так поспешно, что он не успел хлопнуть дверью и собственной квартиры, вынесенный из нее на руках чекистами.

А коммуна осталась и не только существовала пятьдесят лет, но успела за это время подчинить тебе целую треть вдвое разросшегося человечества, то есть больше половины всего населения земного шара, каким оно было в 1917 году.

Трудно найти в истории пятьсот лет, чреватых такими резкими изменениями в строении человеческого общества, какие произошли на наших глазах за минувшее пятидесятилетие. Первопричиной этих изменений, среди которых главное внимание привлекают губительные, следует считать крушение самого большого государства, сразу же нарушившее мировое равновесие и открывшее широкий простор для произвола темных сил, рекламирующих сейчас по обе стороны Железного Занавеса советские достижения.

Фабрикуются замысловатые, хитроумные, часто противоречивые процентные комбинации, и получается так, что измученный, к тачке прикованный, голодный, бесправный при царизме русский народ, теперь сыт, пьян и нос у него уже не в махорке, а в первосортном табаке. Плутни советской статистики общеизвестны и опровержения не заслуживают. Однако, и по эту сторону всевозможные специалисты по русскому вопросу далеко не отстали от своих советских вдохновителей, и если признают все же, что условия жизни в СССР не достигли еще американского уровня, то во всяком случае, говорят они, населению России живется теперь несравненно легче и веселее, чем жилось ему при царях.

В наш век феноменальной точности, с какой люди научились без промаха попадать в любую планету или определять безошибочно вес и объем любой инфузории, ТАКАЯ историческая неточность не случайна. Сомнение в ее случайности подтверждается непроницаемостью демократической печати для каких-либо справок, разъяснений, опровержений или протестов. В то же время, существуют, действительно, великие завоевания и достижения Октября, о которых не пишут, не говорят, ни там, ни здесь.

Эти достижения не в небывалой военной организации страны, ни в сплошной коллективизации сельского хозяйства, ни в

ликвидации частичной неграмотности с заменой ее повальной безграмотностью, ни в космических аттракционах даже, а в доведении кропотливым подпольным трудом наиболее передовых, богатых и сильных стран до моральных банкротства, нищеты и бессилия, как ржавчина разъедающих национальный организм и государственность этих стран. Одним из многочисленных примеров такой подрывной и разлагающей деятельности служит безудержное распространение иллюстрированной порнографической литературы, на издание сотен миллионов экземпляров которой, в одной только Америке какими-то таинственными предприятиями тратится МИЛЛИАРД долларов ежегодно, и преследование которой не сегодня-завтра будет запрещено Высшим судом, как “неконституционное”.

Достижения — в безнаказанности планомерного отравления молодежи окостинивающей пошлятиной, расплозшейся по Земле, как сальное пятно; в разрушении семейных, религиозных, общественных традиций, формировавшихся тысячелетиями; в нравственном ограблении человека, готового снова опуститься на четвереньки и вернуться в дебри полного духовного одичания. Все эти успехи по скотинизации людей достигнуты, разумеется, не одними большевиками, но они были бы немислимы в столь короткий срок без вдохновенного содействия московских чекистов и государственного банка СССР.

В свою очередь, разносторонние бесы мировой политики не мало способствовали достижению униженного величия этого самого СССР, сменившего благородное величие Российской империи. Причем, величием “первого социалистического государства на Земле” пользуются коммунисты, а унижение выпадает на долю подвластного им русского населения; величие отражается во всеобщем страхе перед социалистическими атомными бомбами, а унижение выражается в безудержном искажении русской истории и представления о русском народе.

В первой половине прошлого века, наш посол доносил из Парижа о театральной премьере, высмеивавшей все русское. Так французы благодарили нас за безукоризненное поведение русских войск в Париже, куда они недавно приходили преследуя Наполеона не как победители, не как мстители за конский навоз, оставленный “великим корсиканцем” в алтаре Успенского собора, а как друзья и союзники. Император Николай I призвал французского посла и повелел передать французскому правительству, что если постановка не будет

снята, то Он придет в театр сто тысяч зрителей в солдатских шинелях. Постановка была немедленно запрещена.

А сейчас по всем каналам иностранных информации и просвещения — в кино и печати, по радио и телевизии — невозбранно льется зловонная клевета на наше прошлое под диктовку советских пропагандистов. Этому не препятствуют ни короли, ни президенты даже стран, в разное время спасенных от революционного и военного разгрома русской кровью. Напротив!

В сердце нашей культуры, в священном для нас московском Кремле только что закончилась бесовская тризна по случаю пятидесятилетнего измызательства над русскими людьми, которых заставляли в этом году с особым усердием кричать ура в честь своих извергов. Заставляли! А демократические правители, никем не принуждаемые, вполне добровольно из года в год шлют поздравления этим извергам с присовокуплением наилучших пожеланий при молчаливом одобрении своих подданных и избирателей, согласных с тем, что соблюдение дипломатического этикета в наше просвещенное время важнее совести и чести, от недостатка в которых никто и никакого убытка теперь не терпит.

Иные поздравители преступают границы не только приличия, но и здравого смысла, посылая от имени своих нарциссов поздравления одновременно, как мучителям с их победой над мучниками, так и мучникам с победой над ними их мучителей. Трудно понять, где тут кончается подлость и начинается глупость, но еще труднее поверить тому, что русский народ когда-нибудь забудет такое издевательство над ним.

Сильные мира сего уже не твердо стоят на ногах и не уверены в завтрашнем дне пока лично не нанесут визит кремлевским антропоидам и не возложат венки у мавзолея воскового чучела с рыжими усиками, завещавшего всех их истреблять. И когда завещание выполняется, то прогрессивная печать сообщает об этом уже мелким шрифтом, чуть не в отделе происшествий, как это имело место, например, с убийством иракского короля, вьетнамского президента и других. Так же пренебрежительно сообщается и о пожирании африканскими прогрессистами своих белых заложников, малейшая попытка спасти которых, клеймится, как вмешательство во внутренние дела самоопределяющихся народов.

За пятьдесят лет коммунисты завоевали не только половину земной поверхности, но и возможность, чуть не право, почти везде шпионить, сеять смуту, вооружать повстанцев и обучать их партизанским способам войны. При этом, всякая самооборона тотчас вызывает повсюду пороссячий визг прогрессивных студентов с их университетскими наставниками, а также дипломатические осложнения с СССР, которых избегают иностранные дипломаты готовы ценой любых уступок.

Пятьдесят лет тому назад до таких коммунистических достижений не мог бы додуматься ни один сумасшедший, а сейчас это всё — повседневность, политические будни, никого не удивляющие. Никого уже не трогают, не волнуют страдания и гибель миллионов людей. Даже о таком выдающемся коммунистическом достижении, как мученическая и преждевременная смерть ста миллионов русских, не упомянуто ни в одной из многочисленных прогрессивных статей, посвященных заграничной

Нам нужно очень много и воды, и мыла, и щеток, и скребниц, чтобы отмыть до-революционную Россию от всей той грязи, которую обмазали ее наш гнилой либерализм и его законнейший и неизбежный наследник — советский режим.

Иван СОЛОНЕВИЧ

пятидесятилетие “победоносного октября”.

Преступления, совершенные за пятьдесят лет этим Октябрем, не поддаются подсчету, ни определению; они — поистине чудовищны. Но еще чудовищнее то, что никто не помешал их совершить. И самое ужасное в том, что происходящие от этих преступлений умственное помрачение и нравственное оупецание, служат залогом еще больших, еще худших преступлений на Земле.

Цинизм, ложь, кощунство, вандализм и разврат берутся на политическое вооружение и узакониваются, как ныне принято выражаться, “в рамках демократических свобод”, а протест против них неизменно изображается, как ПОЛИТИЧЕСКОЕ сопротивление “экстремистов”, пытающихся задержать культурный прогресс.

Политика никогда не отличалась опрятностью, но теперь ее превратили в прикрытие всех человеческих пороков. Так, например, одно из самых бессовестных предательств человечества и измена ему называется “политической идеей мирного сосуществования”. По сути, никакая это не политика, а самое натуральное государственное преступление. “Мирное сосуществование” основывается на признании политических прав коммунизма, а коммунизм основывается на преступлениях, большинство которых предусмотрено уголовным кодексом и мириться с которыми не смеет ни один нормальный человек, если он дорожит правом на самоуважение. Однако, теперь принято считать, что если убийство, грабёж, садистическое истязание, растление детских душ и похищение самих детей снабжены политическим ярлыком, то мириться можно, сосуществовать можно и сохранять спокойствие духа, и самоуважение — всё можно.

“Идея мирного сосуществования” именно потому и популярна, что она БЕЗНРАВСТВЕННА; призывы к объединенной борьбе с коммунизмом именно потому и остаются неуслышанными, что они НРАВСТВЕННЫ. К сожалению, эта истина не получает признания, ни распространения и глашатаи ее подвергаются повсеместно налаженному уже бойкоту, ошельмованию и все чаще — преследованию. Достигнув феерического научного и технического взлета, человечество, увы, с необыкновенной беспечностью переживает время небывалого по глубине этического упадка и ведемое бесами, с роковой поспешностью приближается к краю огнедышащей бездны.

Любопытно, однако, то, что накапливая силы и увеличивая влияние в прогрессивных кругах Запада, коммунисты начали терять контроль над духовной жизнью подсоветского населения, в которой всё резче обозначаются контуры религиозного отрезвления. Прогрессивские на-

§ 40.—

С 1-го января 1968 года цена номера газеты “Наша Страна” в Аргентине будет равняться 40.— песо.

Ввиду произошедшей в Уругвае девальвации, цена номера газеты повышается до 25 уругвайских песо.

Читателям газеты “Наша Страна” известно, что с 1-го июля с. г. воздушный почтовый тариф увеличился ВТРОЕ. С этого удара по бюджету газеты прошло полгода и Редакция принуждена в некоторых странах повысить цену на газету, посылаемую по воздуху, не в силах справиться с возникшими финансовыми затруднениями.

Редакция просит г. подписчиков обратить внимание на изменение цены номера газеты, посылаемой по воздуху, в следующих странах:

Германия — 1.20 нем. марки.

Ливан — 0.40 ам. дол.

Франция — 1.60 фр.

Южная Африка — 0.40 ам. дол.

РЕДАКЦИЯ

В. Солоухин

РАБОТА

Дочитав до конца иной чеховский рассказ, оглядываешься, перелистываешь телько что прочитанные страницы и удивляешься, что все прочитанное вместились, оказывается, на десяти страницах. Кажется, что прочитал роман, кажется, что прошла перед тобой целая чужая жизнь. Да нет, не может быть, чтобы десять страничек! Пересчитаешь еще раз — точно, десять. Вот это и есть настоящая емкость.

Очень часто мы условно называем романами произведения, не имеющие никакого права претендовать на этот самый сложный литературный жанр. Конечно, можно назвать дворцом большой и красивый жилой многоквартирный дом. Или здание театра. Но все же это будет дом или театр. Чехов в одном из своих писем сетовал, что мы, де, писатели-разночинцы, разучились писать настоящие романы. "Фому Гордеева", помнишь, он назвал не то оглоблей, не то шашлыком, в том смысле, что все действие нанизано на один прямолинейный сюжет. В то время как роман — это сложное архитектурное сооружение. Это не башня, не собор, а вот именно дворец со множеством интерьеров, с воздухом в них, с галереями, анфиладами комнат, зимними садами, чертогами и подвалами (обязательно подвалами!), желательны даже с потайными подземными ходами в отдаленный угол сада, к реке, в ближайший овраг.

Кроме того, помимо формальной композиционной стороны роман характеризуется тем, что там не просто герои и жизнь героев, а жизнь тех или иных идей, воплощенная в действие героев. Алеша Карамазов — одна идея, его брат Иван — другая. Раскольников и Соня Мармеладова, Рудин и Базаров, Онегин, Жан Кристоф... Люсьен у Стендаля не просто Люсьен, но воплощение идеи бонапартизма, ее перерождение, ее жалкое существование в обстановке уже чуждой и даже враждебной ей. Лейтенант Глан у Гамсуна не просто лейтенант Глан, но жизнь и развитие идеи сверхчеловека; Гамсун увлекался в то время философией Ницше.

Возвращаемся к образу айсберга, у которого семь восьмых массы скрыто от глаз наблюдателя или подразумевается. Тем он и грозен. С виду небольшая льдина, однако столкновение с этой льдиной смертельно для корабля. Айсберг рушит массой, скрытой от глаз. А сколько романов, в которых ровно ничего не подразумевается. Такие романы похожи на тонкую плоскую льдину, плавающую плашмя. Такая льдина сама при столкновении с кораблем крошится на мелкие части. Нельзя, чтобы в романе не было ничего, что стояло бы за сказанным, подразумевалось бы как семь восьмых океанской массивной глыбы. Размер не имеет значения. Страница, печатный лист, три тома, четверостишие — важно, чтобы семь восьмых...

Речь идет не о завлечении читателя с целью провести редактора, вовсе нет. Но должно быть ощущение, что автор и его герои... ну не то, что знают больше, чем видно из романа, не то, что они знают больше, но... тут

трудно объяснить, но что они вот именно с огромной глубинной массой.

Кроме того, я читатель — человек социальный. От меня, как от точки, существует проекция назад, точнее, в глубину, в прошлое (освещение его и отношение к нему) и проекция вперед, в будущее (понимание и ощущение его). Я, как узелок, связывающий эти две нити. Они натянуты, и их натяжение определяет мое пространственное положение. У меня есть корень в землю и побег в небо.

Но как часто я воспринимаю литературных героев, как замкнутые, изолированные точки, движущиеся в пространстве безотносительно к прошлому и будущему. Я могу сказать: "Я шел и увидел разрушенную церковь". Но этим я еще ничего не сказал. Может быть, ее надо было разрушить, может быть, хорошо, что она разрушена. Или напротив, может быть, разрушение ее есть проявление варварства, уничтожение истоков культуры целого народа. Ничего не ясно из фразы "я шел и увидел разрушенную церковь". Непозволительно и кричать: "Ах, как хорошо, что церковь разрушена" или "Ах, как плохо, что ее не стало". Отношение автора к описываемому не должно выражаться в восклицаниях и междометиях. Но читатель, читая, непременно воскликнет: "Вот здорово!" или "Вот безобразно!"

И еще, поскольку зашла речь о жанрах, скажу об одном специальном жанре. Несколько лет подряд мне пришлось заниматься очерками, причем для тонкого журнала, то есть очерками задомо обусловленного размера. По размеру очерк для тонкого журнала приемыкает к газетному очерку — трехколонник или полтора, два подвала.

Возможно, не стоило бы говорить об искусстве (а очерк тоже искусство) и начинать с определения количества страниц. Но что делать, эти страницы — будни журналиста, от них никуда не уйдешь. Итак, журнально-газетный очерк размером в восемь-двенадцать страниц машинописного текста.

Для себя я взял за правило, что очерк по построению должен быть то же, что рассказ, но только на абсолютно точном фактическом материале. Главный герой, сюжет, окружение героя, время и место действия, язык, наконец, все должно быть, как в рассказе. Приехав на место, я старался найти такой кусок жизни, который представлял бы собой готовую рассказовую ситуацию. В этом состояла главная трудность. Этого никогда нельзя было сделать с наскоку. Приходилось жить на месте неделю, другую. Все большее количество материала, событий, фактов, имен, судеб процеживалось через сознание, пока наконец чья-нибудь судьба, какой-нибудь случай не начинали ощущаться как готовая ситуация для рассказа-очерка. Нужно было еще иметь в виду, чтобы сюжет был характерным, типическим. Потому что задание редакции, хотя и в самой общей форме, существовало. И если я послан был написать очерк о медеплавицниках или, напротив, о льноводах, то в нем должны были содержаться помимо сюжета необходимые сведения, цифры, производственные проблемы.

Стоит отметить одну характерную частности. Приехав на место, я на первых порах то и дело хватался за блокнот. Все было неизвестно, все хотелось

✠ По случаю исполняющегося 20-го декабря с. г. Сорокового дня кончины

ПИСАТЕЛЯ и ПУБЛИЦИСТА

ГРИГОРИЯ ВАЛЕРЬЯНОВИЧА МЕСНЯЕВА

в субботу, 23-го декабря с. г. в Кафедральном Соборе Воскресения Христова после Всенощной будет отслужена

ПАНИХИДА,

о чем сообщают Редакция газеты "Наша Страна" и почитатели покойного.

✠ 17-го декабря с. г. в 47-ю годовщину убийства чекистами полковника Российской Императорской Армии участника Белой Борьбы

ГЕОРГИЯ МАКСИМИЛИАНОВИЧА ФЕСТА

в Свято-Покровском Соборе, г. Мельбурн, Австралия, после Божественной Литургии будет отслужена панихида,

о чем извещают сын и родственники.

✠ 21-го декабря с. г., в 40-й день кончины

ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ЛАШИНА

в храме Св. Сергия Радонежского (Villa Ballester, Falucho 825) в 8 час. вечера будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем сообщают сослуживцам по Корпусу и знакомым вдова и сын.

✠ 17-го декабря с. г., в 12 час. дня, в Св. Троицком Соборе (Brasil 315) по случаю праздника Св. Андрея Первозванного, покровителя Гвардейского Объединения, будет отслужена

ПАНИХИДА

по всем убиенным и в тюрьмах замученным чинам Российской Императорской Гвардии, на которую приглашаются все русские люди.

ГВАРДЕЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

✠ 12-го декабря с. г., в 40-й день кончины

АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ БЕНЗИНОЙ

в храме Св. Сергия Радонежского (Villa Ballester, Falucho 825) в 12 час. дня будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем с прискорбием сообщает племянница.

записать, все казалось важным и нужным. Потом я стал останавливать себя и в первые дни, даже в первую неделю не записывал вовсе ничего. За это время я так хорошо успевал ознакомиться со всем вокруг меня, что к концу поездки мне и не нужно было ничего записывать, разве что несколько главных цифр.

Темы для очерков (темы, а не сюжеты) я очень часто искал сам еще в Москве. Обычно я шел в Министерство сельского хозяйства, так как деревня мне ближе. В длинном коридоре на дверях полно вывесок. Не ручаюсь за точность, но что-то вроде: "Пчеловодство Дальнего Востока", "Каракулеводство Средней Азии", "Эфиромасличные культуры". Возникла мысль: почему бы не написать в журнал о пчеловодах Дальнего Востока. Заходишь в дверь. Они специалисты. Они любят рассказывать о своей отрасли. Тотчас возникают названия мест, имена, проблемы. Оставалось убедить журнал в нужности и важности темы. Обычно удавалось это сделать.

В работе очеркиста очень много интересного, захватывающего. Цель за-

ставляет активнее вторгаться в пласт, нежели при бесцельном путешествии. Разве будешь, просто путешествуя, так дотошно выспрашивать, узнавать, искать концы и начала. Останутся в памяти пейзажи и какая-нибудь уж слишком выдающаяся встреча, слишком яркий случай, но это редкость. Правда, есть огромное "но", которого я в свое время, честно говоря, не учитывал. Чтобы очерки сделались настоящей литературой, чтобы они пережили не только очередную номер журнала, но хотя бы на два часа пережили и автора, для них не годится ни полуправда, ни одна восьмая правды, ни семь восьмых правды — для них нужна одна только голая правда. Если учитывать к тому же, что умолчание чего-либо есть одна из главных способов лжи.

Интересно, когда потом, несколько лет спустя, я стал писать не очерки, а рассказы я почувствовал себя как спортсмен-сороход, который тренируется в специальной утяжеленной обуви (чуть ли не гири на ногах), а потом на беговую дорожку выходит в легких тапочках.

Вл. Солоухин
(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

П. СОКОЛОВ

ГРАНИЦА

Мысленным взором она окинула все, что было связано с этим словом. Сначала с криками о свободе пришли чекисты и разгромили их семейное гнездо. Потом свободно распоряжались ею толстомеры и Лиуши, как своей вещью. Потом ею совершенно свободно овладел Роман, — так свободно, что она даже не видела, в чем бы могла его укорить. А на деле оказалась в клетке. Теперь явился еще один освободитель и предлагает сделать новую пробу... И никто из них не знает никаких оков и не надо им бежать по сугробам в непроглядную ночь. Только она одна связана и не может никак освободиться. И только, как давний сон или далекая-далекая сказка, ей грезились время, когда никто не кричал о свободе, и не было пред ней никаких границ и была она по-настоящему счастлива...

Когда они ложились спать, она сказала Роману:

— Что это ты с ним такой неласковый? Ты же видишь, какой он несчастный!

— Э тот?!.. — воскликнул Роман: — Да ты что, Аня! Дай только ему волю, — он и тебя и меня сожрет и даже костей не оставит!

На утро, за завтраком, Гвоздев почти не заговаривал с Романом, а все внимание уделил Аннушке. Он болтал с ней о разных пустяках и успел высказать кучу любезностей:

— Анна Степановна! Вы — действительно, настоящая солнышко! Вы сами не знаете, какая вы цельная натура! Какие у вас хорошенькие глазки! Где-нибудь в городе вы свели бы с ума всех мужчин!

Роман слушал все это и хмурился. Он считал недостойным ни оборвать гостя, ни сделать какой-нибудь замечание Аннушке. Поев наскоро, он вышел на двор и занялся по хозяйству.

Прошло с полчаса времени. Он сгребал во дворе мусор и бросал его в стоявшую посредине телегу. Из избы доносились голоса. Гвоздев все что-то часто и весело говорил, отпускал, повидимому, прибаутки; Аннушка громко смеялась. Потом вдруг раздался звук песни: бархатный тенор начал с речитатива и потом быстро перешел на полный и округлый звук. Роман саркастически усмехнулся: —

"Псет! Скоро в любви объясняться станет!" — Гость действовал ему на нервы.

Он взял оглобли в руки и стал толкать телегу в сторону ворот, — двор был покатым, и телега шла легко. Но вдруг она попала колесом в ямку, перекосилась и стала попереки. Конечно, Роману надо было бы взять телегу на себя и выправить; но, вместо этого, он с сердцем толкнул ее со всею силой. Телега перекосилась еще больше, и послышался треск: оглобли в замке не выдержала. Роман бросил оглобли и пошел в сени.

— Ну-ка, подите сюда! позвал он Гвоздева.

Гвоздев вышел. Роман вывел его на крыльцо и, указав в сторону выхода из лощины, сказал:

— Туда идите. Выйдете из лощины, — поверните направо, там встретите речку. Идите все время вдаль нее, пока не увидите попереки железнодорожного полотна. Это далеко, верст двадцать, двадцать пять будет. По полотну опять сверните направо и идите, пока не увидите контору. Там вам дадут вагону.

Взгляд Романа был так тверд и холоден, что Гвоздев понял: ему пора уходить.

(Продолжение следует)

П. СОКОЛОВ

